

Мурсынбек Токин

МАЙКО, ДОЧЬ КРАСАВИЦЫ МЕДИКО

Глава из повести «Красавица Медико»

Стояла середина ноября. Природа осеннего Сухуми вот уже несколько дней была в объятиях умеренно-прохладной погоды. В такое время обычно строптивые, непокорные волны Чёрного моря не бушуют, а плавно и спокойно колышут широкую водную гладь. Асет, вышедший с работы пораньше, долго бродил, не находя покоя, вдоль морского берега. У него вошло в привычку хотя бы раз в день справиться о состоянии Медико, которая вот уже пять дней находилась в роддоме. И всякий раз, беседуя с врачами, он непременно расстраивался и тревожился. В последнее время о себе давала знать рана, полученная Медико в область груди, и состояние её начало ухудшаться. Ничего утешительного врачи ему не говорили.

Вот и сегодня врачи ничего определённого о недуге Медико ему не сообщили и проводили с пустыми посулами сделать всё возможное, чтобы ей стало лучше. Не услышав конкретного заключения, Асет не хотел возвращаться домой. Как обычно, освободившись от работы, он поспешил к морю, чтобы, побродив по берегу, избавиться от тревожного и подавленного состояния.

С наступлением вечера спокойная погода вдруг резко переменялась, и усилившиеся порывы внезапно подувшего холодного ветра заставили как отдыхающих, так и рыбаков, удивших на пирсе рыбу, быстро покинуть побережье. На берегу не осталось никого, кроме Асета. Оказавшись в гордом одиночестве, он долго наблюдал, как над морем нависают тяжёлые свинцовые тучи, внезапно заполнившие всё небо. Они на глазах сбивались в сплошную огромную массу, всё вокруг потемнело, и казалось, море и небо сливаются воедино. Небо всё стремительнее затягивалось грузными штормовыми тучами, которые ещё сильнее сгущали вечерние сумерки.

Вот уже погрузились в объятия темноты прекрасные горы, своими яркими пёстрыми красками придававшие морскому побережью особое очарование. Внезапно поднявшийся буйный холодный ветер нарушил тишину моря, взволновав его спокойную гладь. Он поднял высокие волны и неистово погнал их мощным напором к берегу. Нёсшиеся вдогонку друг за другом большие непокорные волны с бешеным грохотом ударялись о берег, словно пытаясь достичь гор, скрытых от глаз в темноте ночи.

С удивлением наблюдавший за бушующей морской стихией Асет только сейчас почувствовал, что начинает замерзать, и уже направился было домой, как увидел бегущего к нему со всех ног мальчишку лет одиннадцати-двенадцати. Он сразу же узнал его. Это был сын Здоровяка – Гоча. Мальчик на бегу кричал ему и по-грузински, и по-русски: «Дзия Асет, дзия Асет, дядя Асет!» Полы его куртки развевались на ветру, сам он бежал так быстро, словно за ним гналась злая собака, и вот, запыхавшись, он с рёвом бросился к нему в объятия. Прерывистым от рыданий голосом он только протяжно выговаривал имя Медико и больше ничего. Сжимая в объятиях мальчика, Асет разом почувствовал, что случилось нечто непоправимо ужасное, и понял, что потерял Медико навсегда. «Всё кончено!» – вспышкой сверкнула в его голове страшная мысль.

Когда Асет и мальчик, основательно промокнув под непрерывно льющим хлётким дождём, пришли домой, то громко причитавшие от горя родные и близкие даже не заметили их появления...

Хотя ребёнок умершей во время родов Медико остался жив, гибель несчастной стала для родных и близких тяжелейшей утратой. Особенно болезненно отразилось это горе на дедушке Луко. Ведь выделявшаяся из всего их рода незаурядными способностями девушка, получившая высшее образование в Москве и в скором времени принятая на ответственную работу, когда уже наконец-то она могла проявлять по отношению к родственникам участие и заботу, – внезапно ушла из жизни. Незадолго до этого ему пришлось пережить горе, связанное со смертью Здоровяка и его младшего брата – погибли два месяца назад во время абхазско-грузинского конфликта. А после смерти внучки Медико, оставшейся от единственного сына, последние силы покинули девяностодвухлетнего старика, и он лежал теперь, прикованный к постели.

И для Асета потеря любимой стала сильным потрясением. В этой далёкой стране единственными близкими и любившими его людьми были Медико, её дедушка Луко и Здоровяк. И вот теперь, когда двое из его самых близких людей ушли из жизни, а третий лежал при смерти, Асет как будто остался один-одинёшенек на всём белом свете.

...Со дня смерти Медико прошло уже около двух недель, но число людей, приходивших высказать старику свои соболезнования, не убывало. Все до единого многочисленные родственники с рыданиями и причитаниями повторяли ему одни и те же слова:

– Медико была нам всем очень дорога, и все мы ею гордились...

Старику становилось всё хуже и хуже, и Асет свободное от работы время старался проводить возле него. Но по прошествии нескольких дней жена Здоровяка Талико, непонятно отчего затаившая на него злобу, вдвоём со своей младшей сестрой и вовсе перестали допускать его к дедушке Луко. Вдобавок ко всему они ни разу не показали ему новорождённую дочь. Пытаясь увидеть её, он задабривал их подарками, но женщины постоянно отделялись от него одной и той же отговоркой:

– Дочь твоя в горах, пусть немного окрепнет, как проведем её кыркы¹, вот тогда и покажем её тебе.

Пока он считал дни в ожидании, когда увидит свою дочь, отошёл в мир иной и дедушка Луко...

¹ Здесь имеется в виду сороковой день со дня рождения ребёнка.

Положение усугубляло то обстоятельство, что он не просто не мог видаться со своей дочерью, а даже и не знал, где она находится. Как ни злился Асет, думая: «Эх, если бы был жив Здоровяк, то он не позволил этим двум взбалмошным бабам так глумиться надо мной», – но ничего не смог поделать.

...С тех пор как ушли из жизни самые близкие ему люди, он ощущал себя бесконечно одиноким и подумывал уже уехать на родину, да родное дитя удерживало его. Асету надо было разыскать ребёнка и забрать с собой, чего бы это ему ни стоило. Но как его увести? Кто поможет ему в этом? Озлобленные на него женщины так просто не отдадут ему дочку, и не только не отдадут, а ещё могут и натравить на него своих братьев, да и помощи-то ждать неоткуда.

Единственным для него утешением оставалась работа, где можно было отвлечься от тревог и переживаний и как-то облегчить свою душу. Возглавив туристическое агентство и занимаясь обустройством соотечественников из Казахстана, приезжавших сюда на отдых, Асет мог хоть сколько-то утешиться общением с ними и воспрянуть духом. Но с наступлением холодов и, в придачу к этому, с дальнейшим обострением грузино-абхазского конфликта перестали приезжать и они. А с оттоком туристов работа и вовсе разладилась. Теперь уже не оставалось никакого другого выхода, как уехать на родину.

Однажды на берегу к нему подошёл старый рыбак и поздоровался, желая познакомиться поближе. Наверное, ему просто по-человечески стало жалко человека, который каждый вечер неприкаянно слонялся в одиночестве с понурым видом вдоль берега моря. А может, из чистого любопытства, узнать, кто это такой. Однако Асет не стал открывать душу перед чужаком и ничего путного в ответ не сказал. И всё же рыбак словносердцем чувствовал, что незнакомца что-то гложет и тревожит, поэтому подошёл к нему и на следующий день. На этот раз новые знакомые за долгой беседой бродили до наступления сумерек.

Узнав все подробности, старик, а его звали Таймураз, на третий день подошёл к нему и пригласил к себе в гости. Хотя Асет почёл зазорным для себя сразу же принять приглашение, рыбак был настойчив.

– Я уже предупредил своих домочадцев, что приведу сегодня гостя. Они ждут, что вы придёте к нам. Сейчас должен подъехать и мой сын.

Не успел старый Таймураз договорить, как возле них остановилась белая «Волга».

– А вот и мой сын.

Из машины вышел высокий светлицый молодой человек с открытой улыбкой и, словно увидев своего давнего знакомого, по обычаю горцев обнял его и тепло поздоровался. Асет, придерживаясь традиций и обычаев гостеприимного народа, поздоровался в ответ и представился.

После того как гость и сын познакомились, рыбак Таймураз сказал им:

– Вы езжайте пока домой, а я подъеду позже, – и направился к своей машине, груженной рыбой.

В дорожной беседе выяснилось, что сына рыбака зовут Тенгиз, он всего лишь на год старше Асета и по профессии учитель. Следуя традициям гостеприимства, он продолжил знакомство и стал рассказывать о своей семье.

– Нас четыре сестры и трое братьев. Самый младший из нас студент. Все остальные работают, и у всех разные профессии. Среди нас есть учитель, врач, юрист, агроном, экономист. Но если даже объединить все наши специальности, то и в этом

случае никто не может превзойти нашего отца. Он настоящий универсал, потому что является и экономистом, и юристом, и бухгалтером в одном лице. Поэтому он всё решает сам, и последнее слово всегда за ним, – сказав это, Тенгиз от души рассмехался и продолжил свой рассказ дальше: – Мы относимся к народности мегрелов. И хотя чужестранцы нас, как и родственников вашей жены – сванов, обобщённо называют грузинами, наш язык сильно отличается от грузинского. Что же касается сванского языка, то он вообще не похож ни на грузинский, ни на наш. Местные жители сразу же могут определить принадлежность человека к какой-либо из наших народностей по окончанию фамилии. Если последняя буква фамилии «я», то это мегрел. К примеру, враг народа Берия, печально известный на весь Советский Союз, – мегрел. И такие фамилии, как Нодия, Пртахия, Хупения – мегрельские. А вот сванские фамилии, в том числе и фамилии родственников вашей жены, сплошь заканчиваются на букву «и». Возьмите, к примеру, знаменитых грузинских футболистов Метревели, Кипиани и Героя Советского Союза Аргвяли. Все они сваны. Если вы обратите внимание на места проживания наших немногочисленных народов, то мегрелы и абхазы проживают у моря, и они светлолицые. В то время как сваны – небольшой народ, проживающий высоко в горах. У них смуглые лица, они очень крупного телосложения, густобровые и волосатые.

Здесь Асет перебил его, заметив:

– Да, родственники моей жены все как на подбор волосатые верзилы. Когда они раздеваются и купаются в воде, то издали их можно принять за медведей.

И тут оба дружно рассмеялись.

– В старину, когда ваши предки монголо-кипчаки завоевали полмира, в том числе и весь Кавказ, не смогли покорить только смуглых сванов, живущих в этих высоких горах. Они хоть и были малочисленным народом, но построили мощные крепости и, осыпая конницу врага градом камней, погубили множество всадников, которые замертво скатились с горных круч на предгорные равнины вместе со своими конями. По сей день один из крутых утёсов в горах Сванетии так и называется «Монгольская погибель». Сколько бы войн и страшных битв здесь ни происходило, но никому никогда не удавалось победить или покорить сванов. О том, что это народ храбрый и отчаянный, свидетельствуют немало легенд и сказаний. Есть даже такая пословица: «Чтобы победить одного свана, нужно целое войско». Поэтому соседние народы стараются жить с ними в мире и согласии. Но стоит лишь обидеть кого-то из них, то считай, что ты не жилец на этом свете. Поэтому всю дорогу, пока мы едем, я не перестаю удивляться вам.

– Почему?

– Потому что вы приехали из далёкого от нас Казахстана и взяли в жёны представительницу самого отчаянного народа. Жениться на сванке – это весьма непростое дело. Вы совершили самый настоящий подвиг... А может быть, вы прямой потомок тех самых монголо-кипчаков, которые ушли отсюда, не солоно хлебавши, с жадой лютой неутолённой мести?

Тенгиз, словно довольный своей острой подковыркой, от души расхохотался, крепко стиснул своего гостя за плечи и попросил за это прощения. И Асет не растерялся и тоже ответил шуткой спутнику:

– Да я и сам не пойму, как это мне удалось набиться в зятя к сванам. Возможно, меня сюда привели духи моих предков. Но вся эта история началась и завертелась-закрутилась в Москве, в студенческие годы.

Тут Асет глубоко вздохнул и подавленным голосом закончил:

– Кто знал, что наши мечты о счастье обернутся так печально и...

И тут сын рыбака сказал ему в ответ:

– Да, студенческая пора беззаботна и весела, потому в ней и заключена причина всех бед. И я в своё время, желая поначалу стать экономистом, поступил на учёбу в Москву. Однако не довелось – и года не прошло, как пришлось возвратиться домой. Всем известно, что приезжавшая на учёбу в Москву со всех концов тогдашнего Союза молодёжь сплошь была талантливой и окончившей школу с хорошими знаниями. А так как это был факультет экономики, подавляющее большинство студентов составляли девушки. Будучи совсем молодым и учась с талантливыми и прекрасными, как на подбор, девушками разных национальностей из разных республик, ой как трудно не обратить на них внимания! Мне сразу же очень понравилась девушка из Молдавии. Яркая и красивая внешне, серьёзная и основательная. Такая девушка – мечта любого джигита, который хочет найти себе верную спутницу до конца своей жизни. Но на беду, дорогу нам перешла девушка из Украины. Тогда мне было двадцать. Девушка из Молдавии на год младше меня. А самая старшая в нашей группе была Ксения из Украины. Эта была уже опытная и вполне зрелая двадцатичетырёхлетняя девушка, поработавшая до института на производстве. Она, воспользовавшись моей молодостью и неопытностью, прибегала к различным уловкам, лишь бы я не встречался с понравившейся мне девушкой. После занятий она ни на шаг не отходила от меня, преследовала буквально по пятам. У неё всегда находился повод увести меня с собой. Вот так я и сам не заметил, как стал пленником Ксении. Но, как ни сильны были её чары, у меня никак не выходила из головы молдаванка Аурика², в которую я влюбился по уши. Мне всё время казалось, что она создана только для меня. И на занятиях все мои мысли были о ней. Да вот не знал, как избавиться от лукавой и хитрой разлучницы Ксении. На волнах юношеской пылкой страсти мы с ней предавались и телесным утехам. Об этом молдаванке всем своим видом как бы намекала и сама Ксения. Чувствуя это, похоже, Аурика окончательно разуверилась во мне. Но я, зная, что она не достаивает меня, как прежде, ответным взглядом, всё равно во время лекций продолжал смотреть на неё. И вот в один прекрасный день после всех этих безуспешных и напрасных поглядываний на ту, для которой я уже не существовал, мне пришлось уехать из Москвы. Отец через кого-то выведал, что я совершенно запутался в своем любовном треугольнике и нахожусь меж двух огней, приехал, заставил меня бросить учёбу и расстаться с девушками. Поступок моего родителя оказался и своевременным, и уместным. Промедли он ещё чуть-чуть, и разбитная Ксения привязала бы меня к себе навсегда...

И тут Асет, резко прервав исповедь своего спутника, выплеснул всю свою невысказанную тоску, теснившуюся у него в душе:

– Извини, что перебиваю тебя, когда ты начал рассказывать о своём отце. Ты счастливчик, что он есть у тебя. А я чувствую себя скитальцем от того, что у меня нет отца!.. Кстати, в соседней с нами фирме работает бухгалтером одна молодая молдаванка. Её тоже зовут Аурика. Вот только жаль, что она замужем, иначе ты мог бы познакомиться с ней.

² Далее это имя будет даваться на грузинский лад Аурико.

– Интересный ты человек, да я вот уже три года, как женат. Моему сыну два годика. На целом свете для меня нет никого дороже и родней, чем он и моя жена. Но давай-ка я продолжу свой рассказ дальше и расскажу, как это случилось. После Москвы полгода просидел я под «домашним арестом» у старика, пока не поступил в наш Сухумский педагогический институт, где через четыре года получил диплом.

Но еще после первого курса отец захотел меня женить на дочери своего друга и уже собирался посвататься к нему, как сама судьба спасла меня. Внезапно мне выпала удача съездить в Москву. В те поры мои братья, старший и младший, возили на рефрижераторе туда апельсины и мандарины. Неожиданно заболел мой старший брат, и мне пришлось заменить его. Невозможно описать, какая безграничная радость, какое бесконечное счастье охватили меня. Хотя прошло уже полтора года, как я уехал из Москвы, но своих надежд, связанных с Аурико, не потерял. Покидая этот город, строго-настрого наказал своему сокурснику – татарину Фариду присматривать за ней. Он-то мне и передавал известия о том, что Аурико пока ещё ни с кем не встречается. И вот теперь я спешил как можно скорее увидеть свою любимую.

Мы безостановочно гнали машину втроем с моим другом Тофиком и младшим братом, сменяя друг друга за баранкой, и на вторые сутки ещё до обеда добрались до Москвы. По прибытию быстренько выгрузили в назначенном месте свой груз, помылись-побрились, привели себя в порядок и вечером явились в общежитие, где жила Аурико. Двери комнаты открыла она сама. Увидев меня перед собой, девушка широко раскрыла от удивления свои прекрасные глаза и буквально остолбенела. Соседка по комнате была удивлена не меньше. Обе они в этот миг напоминали двух испуганных еликов³. Надо же, какое удачное стечение обстоятельств: приехать специально, чтобы повидаться с Аурико, и застать её на месте.

Огромная радость охватила меня. Хотя мой вид выражал решительность, а сам я выглядел грозным, напоминая, наверное, в тот миг ангела смерти Азраила, явившегося по чью-то душу, но потерял дар речи, не зная, что сказать и с чего начать. Первой недолгое молчание нарушила Аурико и, сообразно своему серьёзному, основательному характеру, спросила у меня:

– Ты вернулся на учёбу?

Вместо ответа я лишь молча утвердительно кивнул головой.

– Это хорошо, что ты решил вернуться, поздравляю тебя с приездом, – сказала она мне и протянула руку в знак приветствия.

Я поблагодарил и пожал её руку. Когда она увидела моё уставшее и загорелое от южного солнца лицо, то вдруг спросила:

– Ты очень возмужал и сильно изменился. Выглядишь, как семейный человек. Женился?

Я так растерялся, что взял да и выпалил:

– Да, вот собираюсь жениться.

Она снова поздравила меня, выразив радость по поводу моей предстоящей женитьбы. И тут меня охватила страшная досада от того, что ляпнул такую нелепость. Но все же взял себя в руки и сказал, что пришёл пригласить её в кафе. И в это время в комнату вошёл Тофик, неся в руках ящик с апельсинами и кувшином вина. Хотя Аурико приняла мой подарок, но вежливо отказалась от приглашения в кафе.

³ Елик – косуля.

– В кафе сходим как-нибудь потом, а пока будьте нашими гостями и садитесь ужинать.

На столе в большой чашке дымился плов, однако и во время ужина наш разговор никак не клеился. Соседкой Аурико оказалась девушка из Татарстана Сания. Сразу после ужина она вышла вместе с Тофиком, оставив нас наедине. Я понимал, что если в тот же день не скажу Аурико, ради кого и для чего приехал, потом будет уже слишком поздно. Не пойму, с чего я вдруг так оробел перед ней, ведь раньше никогда не выглядел столь жалким и беспомощным при виде девушек. Пока я сидел и мучился, не зная, с чего мне начать разговор, в комнату вошёл Фарид. С радостными возгласами мы обнялись с ним. Тем временем с тортом в руках подросли и Сания с Тофиком. Мы снова сели за стол. С приходом Фариды настроение у всех заметно поднялось. Сания и Аурико оказались хорошими певуньями, наполняя атмосферу застолья радостью и весельем. Аурико исполнила также и казахские песни. Она ведь родилась и выросла в Казахстане, в Кокшетау, и переехала с семьёй в Молдавию лет пять назад. Когда девушки, развеселившись сами, заметно подняли нам настроение, дружеское застолье достигло своего апогея. Слово взял Фарид и высказал то, что давно лелеял в своей душе:

– Я давно мечтал увидеть твою родину, Чёрное море. И вот наконец ты пришёл и сам. До начала семестра осталось четыре дня. Если к этим четырём дням прибавить ещё и два выходных, то получится почти целая неделя. А давай-ка я съезжу к тебе на это время и отдохну на море.

Я поддержал его и обратился ко всем с предложением:

– Если ты хочешь поехать, то незачем отдыхать в одиночестве, давайте поедим к нам всей компанией. Семь дней пролетят очень быстро.

Вся компания дружно поддержала моё предложение. Особенно сильно я обрадовался тому, что его одобрила и Аурико. Я находился на вершине блаженства. И так, в тот же вечер мы решили немедленно вылетать в Сухуми. Билеты тогда стоили дёшево. Но когда на следующее утро мы приехали в аэропорт, Фарид отозвал меня в сторону: «У меня тут возникли срочные дела, и я не смогу полететь», – сказал он. Все рухнуло. Он сразу понял, что у меня творится на душе, и проявил находчивость. Когда до посадки на самолёт оставалось уже совсем немного времени, он смог убедить девушек, что из-за неотложных дел прилетит следующим рейсом.

Как здорово, что благодаря такому хорошему другу, как Фарид, я полетел в Сухуми один с двумя девушками! Моя проблема благодаря помощи двоих близких друзей нашла простое решение. Если Фарид предоставил мне возможность беспрепятственно увезти девушек с собой, то Тофик позвонил к себе домой и сообщил о нашем прилёте. Когда мы совершили посадку, нас встретил его старший брат Таризл и отвёз к себе домой.

Через полтора дня на холодильнике приехал с моим младшим братом и Тофик. Денег много, недостатка в обильных конакасы⁴ не было. С утра до вечера мы всё своё время проводили на морском пляже. Пять дней веселья пролетели так стремительно, что мы и сами того не заметили.

До отъезда девушек оставался всего лишь один день. И если мне прямо сейчас не сказать Аурико, какие серьёзные намерения я имею по отношению к ней, то это станет тем самым промедлением, которое смерти подобно. Этой мыслью я поделился с Таризлом, он сразу же позвонил свою жену, и мы решили обсудить

⁴ Специально устроенный по какому-нибудь случаю обед или ужин.

это втроём. Жена его воспитывалась по-русски и отличалась открытым характером. Поняв, чего я хочу, она, ни секунды не медля, решительно высказала всё, что думала на этот счёт.

– Девушка серьёзная, красивая, надо её во что бы то ни стало оставить здесь.

А выходя из комнаты, она вдруг резко обернулась ко мне, посмотрела так, словно впервые увидела, и спросила:

– А между вами никаких откровенных разговоров ещё не было?

– Нет, не было, – ответил я.

– Ну а почему же тогда эта девушка хранит твоё фото внутри книги?! Сейчас я покажу его тебе, – выпалила она и тут же устремилась в комнату, которую отвели девушкам.

Вернувшись, жена Таризла раскрыла книгу и показала две фотографии: на одной был я, на другой Аурико. От радости я прижал книгу к груди, казалось, вся моя душа погрузилась в какое-то сладостное блаженное состояние. Таризл вскочил с места и с нежностью, которую испытывает старший брат по отношению к младшему, обнял меня и воскликнул в сердцах:

– Эх, молодость, молодость, оказывается, всё это время ты даже не догадывался о том, что девушка любит тебя, – и ещё раз прижал меня к своей груди.

В разговор вмешалась и жена Таризла:

– То-то я думаю, если бы девушка не любила тебя, то зачем ей было приезжать сюда. Ну а теперь приведите гостей с пляжа, пока еда не остыла.

Не успела она сказать это, как открылись ворота и во двор вошли девушки в сопровождении Тофика. Вечером того же дня две женщины под началом жены Таризла всю ночь напролёт, путём применения житейской дипломатии изо всех сил пытались добиться согласия Аурико стать моей женой. В конце концов, как только согласие было получено, мы за два дня успели оповестить и пригласить всех её и моих родственников на свадьбу. А потом Аурико с дневного отделения перевелась на заочное... Та самая бухгалтер Аурика, о которой ты мне говорил, и есть моя жена.

– Ну и герой! Оказывается, Аурико, работающая в соседней фирме, твоя жена! С Божьего повеления, благодаря родным и друзьям ты женился на своей любимой девушке, пусть долгим будет ваше счастье!.. А не таким коротким, как у нас... – сказал Асет и снова выдал печаль и горе, терзавшие его душу.

Тенгиз сразу же почувствовал состояние своего гостя.

– Будь стойким и не кляни свою долю. Человеку дано пройти в своей жизни через многие испытания, но он должен пройти через них достойно, с высоко поднятой головой. У нас, у горцев есть хорошая поговорка: «Кто сломлен горем, тот готовит себе новое». Поэтому настоящий джигит не должен поддаваться горю и печали, а, решительно стряхнув с себя все переживания, смело браться за любое дело, и только тогда оно будет сделано. Будь решителен, остальное всё сможет решить мой отец. За какое бы дело ни брался старик, он всегда найдёт верное решение для его осуществления. Поэтому пожелаем, чтобы задуманное нами дело завершилось успешно.

Сказав это, Тенгиз уверил и обнадежил Асета, что тот с Божьей помощью воссоединится со своим ребёнком.

– Ты знаешь, моя жена Аурико родилась и выросла в Казахстане и поэтому, как твоя землячка, всегда испытывала к тебе сострадание. Каждый день она со

стороны видела, в каком угнетённом состоянии ты находишься, и как-то рассказала мне твою трогательную и печальную историю. Эта история растрогала и меня. Я решил посоветоваться с отцом, и старик захотел тебе помочь вернуть ребёнка. Поэтому мы сегодня втроём подумаем, как нам это сделать.

Дом рыбака находился почти у самого подножья горного хребта, обращённого к морю. Как только они вошли через ворота, Асета поразил большой сад с множеством плодовых деревьев. Они радовали глаз обилием поспевших фруктов. Ровными аккуратно высаженными рядами росли апельсиновые и мандариновые деревья. За пределами двора на отдельно огороженных участках царило такое же фруктовое изобилие. Пока он осматривал эту красоту, созданную руками человека, подъехал и старик Таймураз. Он подошёл к восхищённому увиденным зрелищем Асету и стал пояснять:

– Этот гектар земли получили в своё владение мои родители, когда были членами колхоза. С тех пор эти фруктовые деревья кормят всю нашу семью.

– Да, и вправду богатство у вас большое, – произнёс Асет, не скрывая своего восхищения.

Старик сорвал один из плодов, ещё не успевших созреть до конца, и подал его Асету со словами:

– Отведай от него небольшую часть и с мыслью: «Да преумножатся плоды ваши!» брось его в самую гущу деревьев. Таково поверье. Приход хорошего и желанного гостя сулит благо.

Старик засмеялся.

– Какое же хорошее у вас поверье, – ответил Асет и всё сделал в точности, как сказал ему старик.

На следующий день старый Таймураз привёл с собой двух сомнительного вида мужчин и познакомил с ними Асета:

– Эти люди займутся твоим делом.

Мужчины на вид показались самыми что ни на есть отъявленными головорезами, которым скажешь припугнуть кого-нибудь, а они вполне могут и зарезать. Особенно ему запомнился один из них, смуглый громила со шрамом на лице и горящими, как у раненого матёрого волка, глазами. Точь-в-точь оборотень из сказок или хищник с человеческим лицом.

«Боже мой! Как можно ещё доверять таким людям», – с беспокойством и тревогой в душе подумал Асет. Старик растолковал им положение Асета и убеждал их, чтобы они выкрали ребёнка, чего бы это им ни стоило. Пока они обсуждали на своём языке план действий, Таймураз повернулся к Асету и спросил, есть ли у него верный человек, который бы мог узнать, в каком доме и где находится ребёнок. Асет призадумался, а потом вспомнил сына Здоровяка Гочу и сказал, что ему он вполне доверяет.

На следующий день Асет долго ждал мальчика на дороге из школы, от него-то он и узнал, в каком доме держат его дочь. А затем передал старику адрес, записанный на листке бумаги. Старый рыбак, многое повидавший на своём веку, решил для верности проверить, на самом ли деле ребёнок находится по указанному адресу. Для этого он подговорил женщину-почтальона, а та через некоторое время подтвердила, что ребёнок действительно находится там. Теперь дело оставалось за двумя громилами. Но перед этим старик дал задание самому Асету.

– Как только ребёнок окажется у тебя на руках, ты быстро должен отсюда исчезнуть!

В течение двух дней Асет уволился с работы и теперь томился в ожидании счастливого завершения задуманного плана. По совету старика решено было, что после того как ребёнок окажется у них, Аурико и Тенгиз будут сопровождать Асета в Казахстан, до самых дверей их дома. Аурико, давно скучавшая по своим родным краям, восприняла это решение с радостью.

Троице в лице Асета, Аурико и Тенгиза, поджидавшей старика с его спутниками в одном из горных ущелий на западной окраине города, ждать пришлось долго. А когда терпение у них иссякло, и они стояли в полной растерянности, не зная, что им делать дальше, наконец-то подъехал старик со своими спутниками. Как только машина остановилась, Асет, с тревогой и волнением ожидавший встречи со своей дочерью, чуть ли не бегом устремился к ней. Но дороге ему преградил старый Таймураз, вышедший из машины.

– Успокойся, с дочерью встретишься потом, – торопливо объяснил он ему возникшую ситуацию. – Планы поменялись, мы возвращаемся к нам домой.

Асет был в полном недоумении, почему же всё произошло не так, как было задумано, а когда посмотрел на сидящих в машине громил, те лишь холодно глянули на него, слегка кивнув в знак приветствия.

Когда они пришли домой, старик подробно объяснил сложившиеся обстоятельства.

– Сынок, пойми, мы живём по соседству со сванами в этом городе, на этой земле уже очень давно. Поэтому нельзя силой забирать дитё. Всё-таки и мы должны уважать традиции своих соседей. По их обычаю женщина ценится выше мужчины. Если одна женщина умирает насильственной смертью, то виновная сторона обязана выдать им двух мужчин для самосуда с казнью. Короче, кун⁵ за одну женщину оценивается в две мужские жизни. Поэтому даже никакой речи о похищении младенца и быть не может. Увези свою дочь хоть в Казахстан, пусть даже в Австралию, но гордые, дорожащие своей честью, мстительные сваны не успокоятся до тех пор, пока не найдут тебя. От них никуда уже не спрячешься. Поэтому, следуя сложившимся со стародавних времён обычаям двух наших народов, мы будем вести переговоры через аксакалов. Завтра я возьму с собой двух наших самых уважаемых старейшин и встречусь с их почтенными старцами. Сегодня мы дали им знать об этом. Мать младенца умерла, а ты его родной отец, поэтому мы надеемся, что старшие примут мудрое решение и отдадут тебе твою дочь. Теперь моли Бога, чтобы всё завтра сложилось удачно. Не стоит сейчас скандалить с озлобленными на тебя бабами, иначе мы всё можем испортить. Когда аксакалы вынесут своё решение, то никто и слушать не станет женщин. Думаю, всё пройдет удачно, – закончил старик и призвал Асета запастись выдержкой и терпением.

...Вот уже прошло часов пять, как в условленное время старики отправились на переговоры, а от них всё нет никаких вестей. Волнение Асета уже начинало перерастать в тревогу, когда вдруг к нему в комнату вбежал Тенгиз:

– Поехали быстро, тебя зовут.

В просторном зале дома, где шли переговоры, сидели все как на подбор почтенные старцы преклонного возраста. Как только они вошли туда, старый Таймураз

⁵ Плата, выкуп за убийство или увечье (ответчиком являлся весь род виновника).

стал что-то вкратце рассказывать об Асете горбатому старцу, сидевшему во главе собрания. С десяток сидевших за столом аксакалов дружно повернули головы в его сторону, учтиво, с присущей им степенностью кивнули ему в знак приветствия и продолжили свой негромкий разговор. После того как старцы завершили переговоры, они послали куда-то стоявших у входа двоих джигитов. Спустя немного времени те принесли завёрнутого в пелёнки младенца, положили перед сидевшим во главе собрания стариком и открыли ему лицо. Тот взял листок бумаги, лежавший на краю стола, и принялся неспешно читать что-то написанное на нём. Время от времени он прерывал чтение и что-то шептал, склонившись над дитём. Видимо, какие-то заговоры или заклинания. В это время послышались крики женщин, шумно выражавших своё недовольство. Особенно явственно среди них выделялся иступлённо-возбуждённый голос жены Здоровяка. Когда крики женщин стали нарастать, старшие послали стоявших у входа в зал джигитов наружу. Шум стих.

Закончив чтение, глава старейшин встал с места и, пристально всматриваясь в лицо спящей девочки, трижды повторил:

– Асет, Медико, Майко, – а затем, взяв на руки младенца, движением подбородка велел Асету подойти к нему поближе. Тот, напряжённо следивший за каждым движением главы старейшин, робко и как-то нерешительно подошёл к нему и стал протягивать к своей дочери руки, но тут старый Таймураз остановил его окриком:

– Стой, обряд ещё продолжается!

Асет резко остановился и убрал руки. Глава старейшин, что-то бормоча, поднёс головку младенца вначале к его лбу, а затем попеременно к каждому его плечу, при этом ещё раз произнеся какое-то заклинание, и только после этого передал дочь отцу, который совсем уж извёлся, не видя своё чадо два с половиной месяца. В этот миг Асет, окрылённый безграничной радостью, поклонился в знак уважения и благодарности старцам, всё это время не сводившим с него своих глаз, и тут же, растроганный до глубины души, молча заплакал, и слёзы заструились по его щекам. Первым Асета поздравил Тенгиз, сильно переживавший всё это время за судьбу своего друга. Старцы один за другим подходили к нему, пожимали руку, поздравляли, говорили хорошие пожелания и не спеша выходили из зала. В этот момент радости Асета, который впервые по-настоящему ощутил отцовские чувства, не было предела.

Когда Тенгиз и Асет выходили из дома, вдова Здоровяка бесновалась пуще всех остальных женщин, собравшихся во дворе дома.

– Приблудный монгол, верни мою дочь! Это единственное напоминание о Медико! Не для того умерла Медико, рожая её на белый свет, чтобы отдать потом мегрелам и монголам! Не прикасайтесь к ней, верните её мне!

К отчаянным, истеричным крикам Талико присоединилась её сестра и другие женщины, которые тщетно пытались вырваться из плотного кольца образованного мужчинами.

Когда Асет и Тенгиз спешно садились в машину, она все еще кричала им вслед:

– Я вам ещё покажу, сделаю всё, чтобы вернуть дочь Медико!..

Как только они вошли в дом семьи старика Таймураза, Аурико, принимая младенца из рук Асета, сказала ему, преисполненная материнской нежности и благоговения:

– Теперь ты отец, пусть будут нескончаемыми и радости, и счастье в твоей жизни.

Старый Таймураз, обнимая Асета, как собственного сына, сказал:

– Сегодня в нашем доме большой праздник, большая радость: ты обрёл дочь, а я ещё одну внучку.

В честь благополучного возвращения ребёнка её отцу большая семья старого Таймураза пиновала два дня. На третий день старый рыбак долго совещался со своими родственниками по поводу того, как лучше устроить отъезд Асета с младенцем на родину. Если поначалу задумывалось, что его будут сопровождать Аурико и Тенгиз, то сейчас, после долгого обсуждения, когда собралось много родичей Таймураза, решено было, что пока Асету надо ехать одному, потому как младенец вряд ли сможет выдержать долгую дорогу.

С этим решением с радостью согласился и Асет. Ведь он сам оставался в неведении, что же его с дочерью ожидает там, на родине, и как встретят отца-одиночку дома. Поэтому решение о том, что Асет поедет к себе пока один, стало окончательным. Провожали его в аэропорту чуть ли не всей семьёй. Перед самой посадкой он, понюхав в лоб свою дочурку, которую держала на руках Аурико, ласково сказал ей:

– Прощай, доченька, прощай, моя маленькая.

Крохотное ещё создание, глядя на отца, неуклюже протянуло к нему руки и вдруг заулыбалось. Аурико поднесла головку маленькой Майко к лицу Асета и радостно произнесла:

– Вот, видишь? Она как будто бы чувствует, что ты её отец. А за доченьку свою не беспокойся. Заберёшь, когда она совсем окрепнет и уже сможет стоять на ногах. До твоего приезда я буду холить и лелеять её вместе с моим сыном Левонем. Верь мне, это моя материнская клятва, – и поцеловала своего земляка в щёку.

Стоявший рядом Тенгиз, как всегда, остался верен своей привычке шутить в любой ситуации:

– Если Богу будет угодно, возможно станем сватами. Дочь твою Майко будем лелеять не хуже нашего сына Левона.

Тронутый этими словами Асет крепко обнял друга и сказал:

– Для меня это большая честь, если моим сватом станет такой достойный человек!

Таймураз, услышав это, обнял обоих своих сыновей.

– У меня к тебе есть единственная отцовская просьба. Если ты по-настоящему меня уважаешь и желаешь, чтобы я жил ещё долго, то давай знать о себе как можно чаще.

Входя самым последним в салон самолёта, Асет обернулся к толпе провожавших его людей. Среди неё выделялся своим высоким ростом мужчина в белом костюме. Это был Тенгиз. Он высоко поднял над собой его дочь и кричал, мол, посмотри на неё напоследок ещё раз. И без того растроганный Асет при виде этой щемящей душу картины разволновался так сильно, что обмяк всем телом и уже не в силах был держаться на ногах. Он просто-напросто рухнул на крайнее кресло, словно изрядно подвыпивший человек. Вся его душа горела, в груди теснились чувства невыразимой благодарности к народу, к людям, ставшим ему родными, которые оказали ему такую помощь и поддержку и проявили самое

тёплое участие. Глядя в иллюминатор в сторону гор, опоясывавших берег моря, он прошептал слова благословения:

– Милые вы мои горцы, тех, кто вам пришёлся по душе, превозносите до гор, а тех, кто вам не по нутру, – можете уничтожить. Эх, лишь бы в этой прекрасной стране не было больше войны...

МОЯ ГРУЗИЯ

Воспеваю тебя на века, моя Грузия,
Всем сердцем и душой люблю я.
Моя судьба не разделима с тобой,
Вечная любовь и радость моя.

Не жалею я, что не родился твоим сыном,
Но зато я родился другом и зятем.
Горжусь тобой, великая Грузия,
Твои горы и море стали моими.

Вечная любовь на душе светла.
Если сомкну глаза навсегда,
Успею ли сказать последнее слово,
О, Грузия, ты навеки моя.

Турсынбек Токин родился в 1940 г. в поселке Тургай. После повторного ареста отца Токина Камбара десятилетним остался с больной матерью в Семизерском районе Кустанайской области, где учился в школе. Работая на скотобазе в результате несчастного случая потерял слух и не смог учиться дальше. Вернувшийся из Магадана отец отвез 17-летнего сына в Челябинск на операцию, вернувшую ему способность слышать. В 23 года Турсынбек Токин получил аттестат вечерней средней школы. В 1970 г. окончил философский факультет КазГУ. Работал в Тургайском облсовпрофе инструктором. В 1976 г. окончил Академию профсоюзов по специальности «политэкономия». Впоследствии работал председателем обкома профсоюза, завотделом облисполкома. После выхода на пенсию всецело занялся творческой деятельностью. Автор восьми книг. Член Союзов писателей Грузии и Казахстана. Награжден медалью «За освоение целины» и орденом «Знак почета», Почетными грамотами, литературными дипломами газеты «Қазақ әдебиеті», Союза писателей Грузии «Почетный литератор», а также знаком «Мадениет кайрат кери» – «Почетный деятель культуры РК».

